

К декаде туркменской литературы и искусства в Москве

Мастера искусств Туркменистана

Дангатар Овезов

Музыка духового оркестра...

Первое знакомство Дангатара с нею было не совсем обычным. Родственники, ехавшие по делам в Мары, взяли с собой девятилетнего мальчика. На главной улице города Дангатар увидел множество мужчин и женщин в светлых одеждах. Первомайская демонстрация. Шедшие впереди люди несли ярко сверкавшие на солнце медные трубы, и чудесные звуки заполняли улицу. Мальчик не двинулся с места, пока не прошли все люди, пока не замолкла в отдалении музыка.

Чудесное видение надолго осталось в памяти Дангатара, прекрасной казалась ему музыка — бодрая, жизнерадостная, приподнимающая.

Новая жизнь все прочнее входила в туркменское село. Из города приезжали люди, рассказывали о больших переменах, о школах и интернатах для детей, о книгах и кино-театрах. Дангатар решил ехать учиться в город. Горячо пожелав сыну счастья, мать проводила его в Мары.

Для Дангатара началась новая жизнь. Сначала интернат, потом институт просвещения в Ташкенте, преобразованный позднее в педагогический техникум. А здесь — наравне с учебной — занятия в самодеятельном оркестре, состоявшем из учащихся и педагогов. Как счастлив был юноша, когда его приняли в число музыкантов! Он быстро овладел игрой почти на всех духовых инструментах, а вскоре начал сочинять музыку и сам.

Памятен Дангатару Овезову день, когда исполнялось его первое произведение. Выпускной вечер в педагогическом техникуме. Играл собственный оркестр — гордость учебного заведения. Капельмейстер объявил — исполняется марш, написанный выпускником техникума Дангатаром Овезовым. Марш носил длинное и несколько наивное название: «Привет седьмому выпуску Туркменского педагогического техникума в Ташкенте». Юноша, смущенный и гордый, скрылся где-то в темном углу, за сценой, среди поломанных столов и стульев, и с замиранием сердца слушал столь знакомые звуки, и ему казалось, что это бездарно, ничтожно, ужасно длинно и скучно. Он готов был проклинать себя: как осмелился предложить незавершенное!.. Гром аплодисментов вывел его из этого состояния. Кто-то шутиливо кричал: «Автор!» Дангатар совсем притих, почувствовал, как красна прилила к лицу.

Дангатар Овезов остался работать в техникуме, решил посвятить себя педагогической работе. Тогда, в начале тридцатых годов, казалось, — это самое важное. К знаниям тянулись все — и дети, едва достигшие школьного возраста, и любознательные юноши и девушки, и седебордые старики. Создавались все новые и новые школы, рабфаки, техникумы, институты. И те представители туркменского народа, которые приобрели уже знания, стремились щедро поделиться ими. Дангатар Овезов работал педагогом в Ташкенте, Ашхабаде, Красноводске, служил в армии. И повсюду он обязательно участвовал в самодеятельном оркестре, а если его не оказывалось, — создавал сам.

В городе на Каспии произошла знаменательная для Дангатара встреча, оказавшая большое влияние на его дальнейшую жизнь. Самодеятельным духовым оркестром в клубе моряков, где играл и Дангатар, руководил старый коммунист, машинист локомотива Тихон Степанович Чигоев. Он заметил даровитого юношу, постоянно внушал ему, что

у него будущее большого музыканта.

Дангатар начал много и упорно работать над собой, посвящая все больше времени творчеству. Молодой композитор стремился отразить в своих произведениях счастье борьбы за новую жизнь, созидательный труд вчерашних бедняков, а ныне свободных граждан советской страны. Он написал музыкальную картинку, своеобразную историю своего народа в музыке — его тяжелое прошлое, Великий Октябрь, принесший освобождение, бурный расцвет республики в годы Советской власти. Он сложил мелодии «Моя юность», «За освобождение», «Привет композиторам». Своему наставнику и учителю посвятил марш, назвав его фамилией машиниста. Для Тихона Степановича это была двойная радость. Его почти до слез растрогала признательность юноши, а главное — произведение говорило о несомненной талантливости автора. Марш стал популярным, он был включен в репертуар почти всех духовых оркестров республики, а многие играют его и поныне.

Молодое искусство Туркменистана росло, развивалось, и Дангатар Овезов чувствовал себя все более связанным с ним. В 1937 году он возвратился в столицу республики, решив полностью посвятить себя музыке. Он поступил в оркестр Азербайджанского театра музыкальной комедии, работавшего тогда в Ашхабаде. Одаренность Дангатара, умение быстро схватывать все новое, упорство и трудолюбие позволили ему в совершенстве изучить и симфонические инструменты. Как композитор он перешел к созданию произведений более крупных форм.

Вместе с другими туркменскими композиторами, выросшими за годы советской власти, Д. Овезов взял на себя нелегкую, но почетную задачу — положить начало национальному оперному и балетному искусству.

Но первая опера, которую Д. Овезов начал писать вместе с ленинградским композитором Тимофеевым, не удалась. Сколько это вызвало огорчений, сомнений, горьких раздумий! Но Дангатар сумел преодолеть их. Нужно много и упорно работать над собой, учиться, совершенствовать свое мастерство — вот главный вывод, который он сделал для себя. Композитор продолжает изучать полифонию, инструментовку, все элементы музыкального мастерства.

В 1941 году произошло большое событие в культурной жизни республики — был создан Туркменский государственный театр оперы и балета. Дангатар Овезов попал в состав молодого коллектива в качестве ассистента дирижера. Через короткое время ему уже было поручено самостоятельно дирижировать оркестром.

Исполнительскую деятельность Д. Овезов сочетает с творческой. Все больше зреет в нем замысел написать оперу на один из классических сюжетов. Выбор его падает на детскую «Шасенем и Гариб» — эту трогательную поэтическую легенду о двух влюбленных. Произведение привлекало Дангатара своей глубокой народностью, множеством вошедших в него песен, которые знал наизусть почти каждый туркмен. Вместе с композитором А. Г. Шапчиновым он начинает писать оперу.

Работа над новым музыкальным произведением была нелегкой. Многие не верили в успех.

— На эту тему написаны уже две оперы, — предостерегали сомневающиеся. — Стоит ли соперничать с Глиэром и Гаджибековым? Не слишком ли велика опасность повториться?

Но авторам уже была дорога будущая опера, герои, оживая в музыкальных образах, обретали плоть и кровь, воспринимались как близкие люди. У композиторов крепла уверенность, что они создадут произведение, совершенно отличное от его предшественников.

И вот премьера... Волнения, тревога за судьбу спектакля сменяются горячей радостью уже после первой картины. Зрители шумно аплодируют, вызывают артистов, постановщиков, авторов музыки... С тех пор вот уже больше десятилетия спектакль не сходит со сцены. В новом варианте, после переделки авторами, «Шасенем и Гариб» будет показана на декаде туркменской литературы и искусства в Москве.

Успех у зрителей имела и вторая опера Д. Овезова — «Лейли и Меджнун», написанная им в соавторстве с Ю. Мейтусом.

Творчество Д. Овезова всегда было связано с народом, его жизнью, со всем, что волновало миллионы простых людей, что было им близко и дорого. Композитору хотелось написать такие песни, чтобы их пели и самодеятельный хор на сцене сельского клуба, и девушки, собирающие хлопок на колхозном поле, и школьники. Он написал «Песню об Айнабат Бегенчевой» на слова К. Бурунова — о мастере высоких урожаев хлопка. Радостному труду советских людей он посвятил «Песню машиниста», «Песню рыбака», песню «Девушки».

Зорко присматривается композитор к жизни своего народа. Он радуется величайшим сдвигам, происшедшим в ней, но и замечает недостатки, мешающие нашему движению вперед. Возникает решение — все эти «родимые пятна» прошлого надо резко бичевать. И вот появляются новые туркменские частушки, в которых зло высмеиваются «ответственный» папаша, не пускающий свою дочь на учебу; он решил выдать ее замуж за ловкого завмага; чрезмерно «практичный» агроном, предпочитающий бойкую торговлю в пивном ларьке работе в колхозе. Эти частушки быстро стали популярными и исполняются многими коллективами художественной самодеятельности республики. Мечта композитора осуществилась — его произведения можно услышать и в профессиональном театре, и в концертном зале, и в колхозном клубе, и по радио...

Две туркменские оперы, идущие в течение нескольких лет на сцене ашхабадского театра, множество песен, произведений для хора, романсов — таков вклад композитора в развитие музыкального искусства Туркменистана. Ряд его произведений включен в программу заключительного концерта декады в Москве.

Дангатар Овезов — активный общественный деятель. В течение семи лет — с 1941 — по 1948 год — он руководит Союзом композиторов Туркменистана. В прошлом году его избирают заместителем председателя Союза. С его помощью выделяется одаренная молодежь, среди туркменских композиторов появляются новые имена. Большое доверие оказали одному из создателей туркменского оперного искусства музыкальные деятели страны — на первом Всесоюзном съезде композиторов он был избран в члены правления Союза композиторов СССР.

Дангатар Овезов — композитор, общественный деятель — в расцвете своих творческих сил. У него большие планы на будущее. Оценка достижений туркменского искусства взыскательными москвичами поможет Д. Овезову, как и всем участникам декады, в совершенствовании своего мастерства.

З. ИОФФЕ.